

П.А. Садиков

**Очерки по истории
опричнины**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П.А. Садиков**
Очерки по истории опричнины / П.А. Садиков – М.: Книга по Требованию,
2021. – 596 с.

ISBN 978-5-458-55300-1

ISBN 978-5-458-55300-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Кормленные дьяки и вопрос о происхождении четей. Сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову, П., 1922; Опричные чети. Сборник «Исторические записки» АН СССР, т. 10, М., 1941; Чети в земщине. Там же).

Следует отметить еще одну особенность настоящей книги. Работы П. А. Садикова, вошедшие в ее состав, писались автором на протяжении более 20 лет (с 1921 по 1941 г.). Это не могло не наложить известного отпечатка на их содержание. По отдельным вопросам истории опричнины взгляды автора претерпевали изменения. С другой стороны, разновременность написания имела своим последствием наличие ряда несогласованностей или повторений, имеющих в некоторых из очерков (особенно это относится ко второй части «Очерков»).

Все эти моменты были бы легко устранимы, если бы издание было подготовлено к печати самим автором. Но в посмертном издании с наличием их приходится мириться.

Как правило, редакция считала необходимым сохранить в неприкосновенности авторский текст, ограничиваясь внесением редакционных уточнений и исправлений лишь в самых необходимых случаях. Лишь в одном случае, в очерке «Из истории опричной территории» редакция сочла целесообразным исключить из издания вводную часть этого очерка, в значительной степени дублирующую соответствующие страницы вводного очерка «Опричина Ивана Грозного».

К изданию приложены географический и именной указатели, а также список использованной автором литературы.¹

В работе над подготовкой настоящего издания принял участие Б. А. Романов, которому принадлежит предваритель-

¹ Наличие списка литературы позволило сократить аппарат примечаний, в которых издания цитируются сокращенно. Однако их полные наименования легко восстановимы по библиографическому списку.

ная редакция текста, а также уточнение и унификация аппарата примечаний.

Издание документов произведено под наблюдением и под редакцией В. Г. Геймана.

Окончательная редакция текста принадлежит И. И. Смирнову.





Часть первая

О П Р И Ч И Н И Н А

1. Опричнина Ивана Грозного

К началу 1560-х годов Московское государство очутилось в очень напряженной международной обстановке при довольно сложном внутреннем положении; сам Иван Грозный стоял перед вопросом — в какие формы должна была отлиться дальнейшая его деятельность как в области внутренней политики, так, в особенности, в развитии политики внешней.

Правление «избранной рады» 1550-х годов, казалось, способствовало блестящим успехам в деле строительства Московского государства. Отмена системы «кормлений» и снабжение служилых людей по их «достоинству» денежным жалованьем давали возможность широко развернуться местному земскому самоуправлению и в то же время должны были сосредоточить в руках центральной власти большие денежные ресурсы, вполне достаточные для осуществления задуманной внешней наступательной политики. Издание «Судебника» и «Стоглава» обеспечивало единообразие и законность судопроизводства. Ряд военных мероприятий (указы о «разрядстве» полков и воевод, устройство правильного, регулярного стрелецкого войска, уточнение служб с вотчин и поместий, организация своеобразного гвардейского отряда — «тысячи лучших слуг») сулил успехи в военных операциях. Наконец, в период правления «избранной рады» были проведены и крупные

земельные и податные реформы: уравнивание поместных «дач», введение новых кадастровых единиц и налогов. Все это, по видимому, позволяло в дальнейшем широко использовать возможности в деле строительства и укрепления сильного централизованного государства с явно выраженной уже тенденцией превращения его в государство многонациональное благодаря присоединению и предстоящему освоению земель на Волге, по заволжским просторам и предгорьям Урала.

Однако и во внутренних, и во внешних отношениях далеко не все было решено.

Прежде всего в силе еще оставалось одно из основных противоречий московского строя: самодержавие московского царя попрежнему сталкивалось с претензиями феодальной верхушки на власть, попрежнему крупные феодалы выходили на войну с огромными отрядами своих собственных вассалов — «людей» и «детей боярских», феодальная верхушка могла в любую минуту поднять бунт против своего сюзерена — великого князя.

Крупные феодалы были сильны старинными связями с населением своих огромных наследственных вотчин, горды, если это были «княжата», своим происхождением от «государства корени». Они свысока, с презрением, смотрели на «смердов» — свободного мелкого землевладельца севера, среднего и мелкого феодала центра и юга, постоянно находившегося в военных походах, и, с развитием в стране товарно-денежных отношений, всегда нуждавшегося в средствах и в рабочих руках, которые могли бы обрабатывать его «землицу». Уничтожение политической роли крупного феодального владельца путем ликвидации его экономической базы — конфискации земли и достигавшегося, благодаря такой мере, разрыва его отношений с населением, — выдвижение к верхам власти среднего феодального слоя — детей боярских и дворян, несших всю тяжесть борьбы за расширение пределов государства — являлись совершенно необходимыми мерами для решения насущной задачи момента. Служилый человек среднего ранга и сам громко заявлял о своих нуждах и же-

ланиях, предлагая для их осуществления вполне определенные меры.

Мысль, что основа государственного быта и могущество московских государей должны быть построены именно на этом слое служилых людей, широко пропагандировалась в московской публицистической литературе уже в 40—50-х годах XVI в. В 1536—1537 гг. в Москве появился некий «выходец», побывавший в Литве, Венгрии, Валашской земле и, наконец, вернувшийся на родину. Это был сын боярский Иван Семенович Пересветов. Получив в Москве поместье в награду за некоторые усовершенствования в воинском вооружении, он подал в 1547—1548 гг. царю две челобитных, а затем составил несколько сочинений: «Сказание о царе Константине Ивановиче» (последнем византийском императоре), «Сказание о Махмете-султани» (Магомете II, султани Турции, захватившем Византию), «Предсказания философов и докторов» (о самом Иване IV, его внутренней и внешней политике) и некоторые другие. Творения Пересветова — написаны ли были они все им лично или, как полагают некоторые исследователи, в них следует видеть творчество многих чисто московских сочинителей, а фамилию «Пересветов» считать только бродячим псевдонимом — проникнуты ярко выраженной антикняжеской и антибоярской тенденцией. «Вельможи», «ленивые богатины», повествует Пересветов, очаровали царя Константина Греческого, захватили у него всю власть и неправедно вели себя; по-иному держал себя Махмет-султан: он «грозно» правил государством, а «просудившегося» судью-вельможу «взведет его на высокий скат, да и пхнет его взашею надол». «А иных и живых одирают», — прибавляет, не смущаясь, Пересветов. Царь вообще для врагов своих всегда должен быть грозен, потому что, «как конь под царем без узды, так царство без грозы». Под греческими и турецкими «вельможами» нетрудно было узнать современных Пересветову московских князей и бояр, своевольничавших и грабивших население в годы детства и юности Ивана IV. Рекомендую против них самые решительные и жестокие меры, автор

прямо указывает царю ту силу, на которую он должен опереться в своей борьбе против «вельмож», именно — на простых «воинников», которые должны и могут достичь высоких ступеней своей личной службой; при этом не следует обращать внимания на происхождение «воинников» — «какова отца они дети»: не знатность, а личные достоинства ведут к почестям и богатству. Идеальный порядок, по мнению Пересветова, слагается следующим образом: «Кто у царя против недруга крепко стоит, играет смертною игрою, полки недруга разрывает, верно служит, хотя от меньшего колена, и он [царь] его на величество поднимает, и имя ему велико дает, и жалования ему много прибавливает, ростит сердце воинником своим». Необходимо также уничтожить всякую зависимость воинников от вельмож, т. е. освободить мелких вассалов, служивших у крупного феодала, и поставить их в непосредственную зависимость от самодержавной власти. Пересветов, устами Махмет-салтана, очень колоритно рисовал значение подобного состояния: «В котором царстве люди порабощены, и в том царстве люди не храбры и к бою против недруга несмелы: порабощенный бо человек срама не боится, а чести себе не добывает, хотя силен или не силен, и речет так: «Однако [все равно] есми холоп — иного мне имени не прибудет». У царя Константина первоначально все «лутчие люди» были порабощены вельможами, и хотя отряды последних были «конны и доспешны» (хорошо вооружены), однако «крепкого бою» не выдерживали, разбегались, наводили тем панику и давали плохой пример остальным войскам. Когда же Константин «дал им волю и взял их к себе в полк, и они стали у царя храбры, лутчие люди, которые у вельмож царевых в неволи были; и как учили быти в воли, в цареве имени, всякий стал против недруга стояти и полки недругов разрывати, смертною игрою играти и чести себе добывати». Пересветов шел еще дальше и проектировал даже полное уничтожение холопства, предлагая последовать мудрому Махмет-салтану, который приказал «перед себя книги принести полныя и докладныя (т. е. такие, где записывались кабалы на

холопов) да огнем велел их пожещи», а также установил, что выкупленный из вражеского плена человек должен отрабатывать в уплату за выкуп не более 9 лет. Такие заявления звучали демагогически, но надо помнить, что и большое количество холопов и бывшие пленные, отрабатывавшие свои долги, могли находиться только у крупных феодалов, «ленивых богатин», поэтому-то и освобождение их было желательным для помещика-дворянина, давая ему надежду на получение для своего хозяйства столь необходимой рабочей силы.

В сочинениях Пересветова есть и еще одна подробность, прямо рассчитанная на внимание царя: Ивашка несколько раз подчеркивает, что «вельможи» всячески будут стараться отвлечь царя от принятого им решения «ловлением враждебным» и «кудесами всякими прелестными», т. е. чудесами и чарами, в которые царь Иван искренно верил, как истый сын своего времени, когда вера в волшебство и процессы кудесников и ведьм широко были распространены.¹

Памфлеты Пересветова получили большое признание в старинной московской книжности, читались, переписывались и дополнялись. Безусловно знакомы они были и Ивану IV, хранившему в одном из «ящичков» своего архива какой-то «список черной» Ивашки Пересветова.²

К этим сочинениям были близки и некоторые другие, хотя, в силу своей меньшей памфлетической заостренности, они, быть может, и менее широко обращались среди московского образованного общества.

Таково было одно из произведений некоего «Ермолая Прегрешного», священника московской церкви «Спаса на Бору» (у самого Кремлевского дворца), затем постригшегося в монахи под именем Еразма и работавшего в литературно-богословской области под руководством митрополита Макария.³ Сочинение Еразма «Благохотящим царем правительница и землемерие» представляло собою своеобразный

¹ В. Ф. Р ж и г а, Чтения, 1908, кн. 1.

² АЭ, I, № 289, ящ. 143.

³ В. Ф. Р ж и г а, ЛЗАК, вып. 33.

политико-экономический трактат, посвященный различным вопросам, но также пропитанный явной противобоярской тенденцией. Еразму позавидовали какие-то влиятельные люди, оклеветали его перед царем и называли безумным: «Веси (знай), господи, превеликий царю, — писал он в специальном «Молебнии» Ивану IV, — яко в прежня дни рекоши ти о мние, яко тебе непотребен есмь, раб твой, и недостоен никое же смысла: иногда же пред тобою и позорна нар[е]коша мя и бесна (бесноватым), своя ради зависти». От насильства высокопоставленных врагов Еразм ждал защиты только у царя: «Их же един ты (царь) многий взразити (отразить), а ин никто же».

В «Правительнице» (т. е. «Руководстве») Еразм предлагал ряд мер по введению новых поземельных окладных единиц, по отмене таможенных пошлин для торговых людей, по закрытию корчем и т. п. Некоторые из них действительно были осуществлены в 1550-х годах, хотя и в иной форме. Но важно то, что автор являлся противником сосредоточения больших богатств у «бояр» и «воевод», считая необходимым ограничить их земельные имущества известной, строго определенной мерой, никак не выше восьмикратной основной площади, назначенной для служилого человека низшего разряда. Для успешного ведения войны и необходимой быстрой военной мобилизации Еразм предлагал концентрацию военных сил в городах, чтобы «воинство противу ратным во един день собиралось, подобно ест ему (царю) всем воином повелети в селех и в весех (имениях) не жити, но жити во градах». Наконец, «Правительница» предусматривала также для удовлетворения различных нужд царского хозяйства «принятие» царем на себя во всех «градах» ряда земельных угодий.

Самое любопытное, чем проникнуто все сочинение Еромолая-Еразма, — это забота о «ратаях», о земледельцах-крестьянах, чрезмерно угнетаемых непосильными денежными налогами. Автор прямо ставил крестьян выше всех «вельмож»: «Велможа бо суть потребни, но ни от коих же своих трудов довольствующеся: в начале же всего потребни суть ратаеве, от их бо трудов ест хлеб, от сего же всех трудов

главизна... , вся земля, от царя и до простых людей, тех труды питаема». А между тем крестьяне отягчены разными денежными налогами, отчего «всегда в волнениях скорбных пребывающе». Для избавления крестьян от излишних тягот Еразм предлагал брать с них не деньги, но натуральный оброк в размере $\frac{1}{5}$ урожая.

Подобная забота о низших классах московского общества так же характерна для сочинений Еразма, как и вопрос об уничтожении холопства для Ивашки Пересветова.

Из круга тех же книжников, что и Ермолай-Еразм, группировавшихся около митрополита Макария, вышло и еще одно (анонимное) сочинение памфлетического характера: «Повесть некоего боголюбива мужа... царю и великому князю Ивану Васильевичу всей Руси».¹ Цель «Повести» — предостеречь царя от неверных «синклит» (советников), которые стали бы склонять его верить своим чародейским книгам. «Повесть» рассказывает, как некий царь (подразумевалось — Иван IV), который ранее «по всей вселенной яко солнце преславно сияюще и окрестным и сопротивным страшен являшесь», а воины его всех врагов побеждали («яко огонь попадающ лица противных, никому же мощи зрети против его»), дождался не только восстания на него, «окрестных град», но и прямой измены посланных против «сопротивных» своих «ужиков» (близких) и воинства. Последние вместо отражения врага, «приложишися к супротивным на царя и яко волци нещаднии пририщуще нагло», хотели взять столицу и убивали окрестных жителей. Только решительно разорвав с чародеями-советниками и лично выступив против врага, царь добился, что его «ужики» и воинство вновь перешли на его сторону и совместными усилиями разбили врага наголову. «Чародея-синклита» с единомышленниками царь осудил и велел сжечь «и потом царствова в тишине и в покое безмятежно».

Все сочинение било на веру царя в колдовство и под видом советников-чародеев прозрачно разумело его сотрудни-

¹ «Москвитянин», 1844, № 1, стр. 246—249.

ков по «избранной раде», стремясь доказать необходимость для него и государства осуществления подлинного, ни от кого не зависимого «самодержавства».

«Повесть некоего боголюбива мужа» составила как бы дополнение, сказочно-аллегорическую иллюстрацию к предостережениям И. Пересветова относительно возможности «уловления» Грозного «кудесами» со стороны лживых сотрудников из княжеско-боярского лагеря.

В такой идеологической атмосфере Грозный вошел в 60-е годы. К этому времени он уже резко разошелся с кружком своих советников 40-х—50-х годов. На это толкали его как причины личного характера, так и расхождение в понимании дальнейших задач (в области внешней политики). Поведение попа Сильвестра и Ал. Адашева, этих двух самых близких к Грозному людей, во время царской болезни (в 1553 г.) ставших на сторону крупного феодального князя и боярства, готовых посадить на царство кн. Владимира Андреевича Старицкого вместо младенца царевича Дмитрия, никак не могло быть забыто и прощено. Иван, воспитанный митрополитом Макарием в убеждении, что самодержавная власть принадлежит ему по праву, исповедывавший принцип, что «жаловати своих холопей он волен, а и казнити волен же», остро чувствовал, как «избранная рада» во всем «снимает» с него эту власть.

Последней каплей, переполнившей чашу его терпения и вызвавшей окончательный разрыв, было какое-то столкновение «рады» с нелюбимой ею, уже смертельно больной царицей Анастасией во время ее «пути» из Можайска в Москву осенью 1559 г. Весной 1560 г. Адашев уже находился в почетной ссылке при войске, отправляющемся в Ливонию, а протопоп Сильвестр «добровольно» удалился в монастырь. Царь взял с оставшихся членов «рады» клятву не сообщаться с удаленными, но, повидимому, обещание это не было выполнено: друзья и советники Сильвестра и Адашева продолжали делать попытки вернуть им прежнее значение и влияние. Смерть Анастасии (в августе 1560 г.) была впоследствии истолкована Грозным